
НАДЕЖДА СОКОЛОВА
ПОЛУНОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ ТОЖЕ ВЛЮБЛЯЮТСЯ

Надежда Соколова

Полуночные ведьмы тоже влюбляются

«Автор»
2026

Соколова Н. И.

Полуночные ведьмы тоже влюбляются / Н. И. Соколова — «Автор», 2026

Я - ведьма, полуночная, да, сильная и умная. Живу в лесу, как и положено, в избе, с котом и домовым. Помогаю крестьянам, если они не сильно наглеют. И совсем не хочу замуж! Даже за странного типа со свитком!

© Соколова Н. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Надежда Соколова
Полуночные ведьмы тоже влюбляются

Глава 1

Я шла по лесу, и осень обнимала меня за плечи мягкими, чуть прохладными ладонями, сотканными из солнечного света и лёгкой грусти, а под моими ногами расстилался бесконечный ковёр из палых листьев — багряных, золотых, медных, — и каждый мой шаг отзывался в этом хрупком великолепии тихим, шелестящим вздохом. Я, ведьма, знавшая силу трав и шёпот камней, сейчас не колдовала — я просто дышала, впитывая в себя терпкий, влажный запах прелой листвы, мокрого мха и поздних грибов, прячущихся в тени коряг, и этот аромат казался мне дороже самых изысканных благовоний, потому что в нём была жизнь, настоящая и ничем не приукрашенная. Высокие ели и сосны возвышались надо мной, словно молчаливые стражи этого древнего царства, и их тёмная, почти чёрная зелень резко выделялась на фоне пылающих берёз и осин, чьи листья уже успели сменить свою летнюю зелень на пронзительный жёлтый и тревожный красный. Я проводила рукой по шершавой, тёплой коре сосны, чувствуя под пальцами живую энергию дерева, и думала о том, сколько же зим и вёсен оно видело, сколько ведьм и путников прошло мимо него, не поднимая глаз

Над моей головой, в просветах между тяжёлыми ветвями, кружились стаи перелётных птиц, и их тревожные, прощальные крики эхом отдавались где-то в глубине моей груди, напоминая о том, что всё в этом мире конечно, но в этой конечности была своя горькая красота. Дрозды и сойки суетились в кустах рябины, унизанных алыми гроздьями, и их деловитое щебетание казалось мне почти человеческим — они готовились к холодам, запасались, спорили, и в этой суете было столько жизни, что я невольно улыбалась. Где-то вдалеке, невидимая за плотной стеной деревьев, стучала своим неутомимым молотком лесная докторша — пёстрая дятлиха, и этот ритмичный, упорный звук был словно пульс самого леса, его сердцебиение, его несмолкаемая песня. Синицы, эти маленькие жёлтогрудые непоседы, перепархивали с ветки на ветку, заглядывая в каждую щель, в каждую трещинку коры, и их тоненькое, звенящее «цици-фи» казалось мне самым нежным колокольчиком, какой только могла создать природа.

Я остановилась у старого поваленного дерева, чей ствол, покрытый мхом и лишайниками, напоминал мне о том, что даже смерть в этом лесу становится началом новой жизни, и увидела, как по нему деловито снуёт рыжая белка, таща в зубах большой коричневый орех. Её пушистый хвост мелькал среди ветвей, как огонёк, и я затаила дыхание, боясь спугнуть это маленькое, хлопотливое чудо, которое готовило свои кладовые к долгой зиме. Под корнями этого дерева, в мягкой, влажной земле, я заметила свежие следы — ровные, аккуратные отпечатки маленьких копытцев, и поняла, что здесь недавно проходила косуля, возможно, приходила на водопой к ручью, чей тихий, журчащий говорок доносился до меня сквозь заросли папоротника. Я представила, как она стоит там, грациозная и пугливая, наклонив свою изящную головку к холодной воде, и в её тёмных, влажных глазах отражается это золотое, умирающее небо.

Вот из-под моей ноги, шурша листвой, метнулся в сторону ёж, неся на своих колючках несколько сухих листьев, и я невольно рассмеялась тихо, глядя ему вслед, — такой он был серьёзный, такой озабоченный, словно нёс на себе все тяготы мира. Где-то в глубине леса, за оврагом, глухо и протяжно протрубил олень, и этот звук, низкий и вибрирующий, прокатился по всему лесу, отозвался в моей груди тёплой волной, напомнив о том, что где-то там, в чаще, идёт своя, древняя и вечная жизнь, в которую я не смею вмешиваться. Мыши-полёвки шуршали в траве, собирая зёрна и семена, и их торопливое, деловое шуршание было такой же

неотъемлемой частью этого леса, как и крики птиц, как и шелест листьев, как и моё собственное дыхание.

Я наклонилась и сорвала несколько ягод брусники, ещё хранивших на себе прохладу утреннего тумана, и их кисловатый, терпкий сок обжёг мне язык, вернув меня в детство, когда я, маленькая ведьмочка, бегала по этим же тропинкам, собирая травы для первых своих зелий. Папоротники, уже тронутые желтизной, склонили надо мной свои резные, кружевные листья, и в их зарослях я разглядела семейство опят, облепивших пень, как маленькие, коричневые солнышки, и я мысленно поклонилась им, зная, что когда-нибудь они станут частью моего зимнего супа и моего зимнего зелья от простуды. Мох под моими ногами был мягким, как бархат, и я ступала по нему почтительно, как по ковру в храме, потому что весь этот лес был для меня храмом — древним, живым, полным тайн и чудес.

Внутри меня разливалось ровное, глубокое счастье, и я тихо радовалась этой жизни, этой осени, этому одиночеству, которое было вовсе не пустотой, а полным слиянием с миром, где каждая птица, каждый зверь, каждое дерево и каждая травинка были моими братьями и сёстрами. Я улыбалась своим мыслям и шла дальше, вдыхая этот пьянящий, пряный воздух, и знала, что впереди ещё много таких же волшебных, наполненных запахами и тишиной мгновений — и от этого предвкушения сердце моё билось ровно и светло, как билось оно, наверное, у всех ведьм во все времена, что умели просто идти по осеннему лесу и никуда не спешить.

— Матушка ведьма! — ворвался в мое уединение настойчивый мужской голос. — Матушка ведьма, помоги! Корова-то моя, Глашка, никак разродиться не может!

Сидор. Местный кузнец. Мой персональный мучитель. Закончил в детстве целых четыре класса местной школы, считает себя самым умным среди крестьян, и достает меня по пустякам. Ну вот кто, скажите, пойдет к ведьме, да не простой, а полуночной, то есть сильной и умелой, с такими пустяками? Да еще и выражаться будет по-умному? Корова у него, видите ли, разродиться не может. И потому надо меня по пустякам беспокоить!

Я вздохнула, тяжело так вздохнула. Затем повернулась к наглецу, мягко улыбнулась и пообещала:

— Сидор, прокляну.

Тот побледнел, но не отступил. Видно, корову жальче, чем себя, было.

— Прокляни, матушка ведьма! Прокляни, но помоги! — завыл он, грохаясь на колени прямо в пожухлую листву. Нет, ну гад такой. Весь пейзаж испортил. — Корова-то у меня одна, помру я без нее!

Ага, а с моим проклятием, значит, не помрет. Наивный.

— Встань, — поморщилась я. И этот нахал тут же подскочил, как мячик, угодливо заглядывая мне в глаза. — И смотри, будешь должен мне. Отдашь едой. Едой, Сидор, а не медяками. Понял?

Этот гад тут же закивал.

Я щелкнула пальцами и вмиг перенеслась поближе к дому Сидора. Вместе с ним, конечно. Должен же кто-то корову держать, когда я буду ею заниматься.

Мы возникли прямо посреди двора Сидора — я, он и облако пожухлых листьев, которое за нами увязалось из леса и теперь медленно оседало на его драгоценную, выметенную до блеска дорожку. Кузнец, надо отдать ему должное, даже не пикнул, только глазами захлопал, как сова, которую неожиданно вытащили из дупла на солнечный свет. А я стояла, скрестив руки на груди, и с тихим, почти невинным любопытством осматривала его хозяйство, потому что, честно говоря, бывала я здесь нечасто — Сидор предпочитал таскаться ко мне в лес, а не звать меня к себе, и я подозревала, что причина тому была вовсе не в его занятости, а в том, что он стеснялся своей избы. И правильно стеснялся, между нами говоря, потому что двор его напоминал поле битвы между курами и грязью, где победу, судя по всему, одержали куры.

— Ну и где твоя Глашка? — поинтересовалась я, стряхивая с плеча прилипший лист клёна, который, видимо, решил, что ему тоже есть дело до коровьих родов. — Или ты меня сюда для того притащил, чтобы я твоими курами полюбовалась? Слушай, Сидор, а куры у тебя, я смотрю, упитанные. Может, ты их вместо коровы доить будешь? Молоко, правда, будет мелкое и с перьями, но зато много.

Сидор посмотрел на меня с такой укоризной, будто я только что предложила ему продать душу за мешок репы, и молча махнул рукой в сторону сарая. Сарай, надо сказать, был единственным строением во дворе, которое выглядело так, будто его строили с уважением к материалу, — тёмное дерево, крепкие ворота, и даже щеколда на месте, а не висела на честном слове, как всё остальное в его хозяйстве. Я вздохнула, поправила подол юбки, который уже успел собрать на себя всю дворовую грязь, и направилась внутрь, чувствуя себя при этом не ведьмой, а повитухой, которую выдернули из уютного осеннего леса ради какой-то бурёнки.

Внутри пахло сеном и тёплым молоком, ну а еще страхом, и этот запах я узнала бы из тысячи, потому что животные, как и люди, тоже пахнут страхом, только честнее и без притворства. Глашка лежала на боку в дальнем углу, тяжело дыша, и её огромные, влажные глаза были полны такого отчаяния, что я невольно почувствовала укол совести за своё ворчание. Корова была крупной, рыже-пятнистой, с белой мордой, и живот у неё раздулся так, что было видно — телёнок идёт неправильно. Я присела рядом на корточки, положила ладонь на её горячий, вздрагивающий бок и закрыла глаза, слушая, как внутри неё бьётся чужая, маленькая жизнь. Ведьма я или нет, в конце концов, и не для того меня учили разговаривать с живым, чтобы я тут разводила драму из-за испорченной прогулки.

— Сидор, — позвала я, не открывая глаз, — иди сюда и держи её за голову. И не вздумай причитать, а то я тебя вместо телёнка вытащу.

Кузнец, к его чести, причитать не стал, только сопел так громко, что Глашка, кажется, начала переживать уже за него, а не за себя. Я размяла пальцы, пробормотала под нос старое, как сам лес, наговорное слово, которое всегда помогало моей бабке при трудных отёлах, и повела руками вдоль её живота, мягко, но настойчиво направляя маленькое тельце в нужную сторону. Минута, другая, третья — я открыла глаза, и вот уже Глашка напряглась, дёрнулась, и на свет, мокрый и нелепый, вывалился телёнок, тёмно-рыжий, с белой звёздочкой на лбу, которую он, видимо, унаследовал от какой-то далёкой и очень благородной коровы. Сидор издал звук, который я могу описать только как смесь рёва, стона и восторга, и плюхнулся на колени рядом с новорождённым, забыв и про меня, и про своё достоинство, и про то, что он вообще-то самый умный среди крестьян.

— Глашка! — заорал он так, что корова вздрогнула. — Глашка, родила! Телёночек! Бычок! Ох, матушка ведьма, ох, спасибо тебе, век не забуду, век буду за тебя молиться, хоть ты и ведьма, хоть и полуночная, хоть ты меня и проклясть грозилась, а я всё равно буду…

— Будешь, будешь, — перебила я его, поднимаясь и отряхивая руки о какой-то мешок, который, судя по запаху, когда-то содержал овёс. — Ты не молиться будешь, Сидор, а долг отдавать. Я, кажется, ясно сказала: едой. И не вздумай принести мне полмешка репы, как в прошлый раз, потому что тогда я тебе не только корову прокляну, а весь двор вместе с курами и вот этим вот телёнком, который, между прочим, на тебя похож.

Телёнок, честно говоря, на Сидора ни капли не походил, он был гораздо симпатичнее, но кузнец всё равно просиял так, будто я ему комплимент сделала, и принялся суетиться вокруг Глашки, которая уже поднимала голову и смотрела на своё дитя с таким материнским умилением, что мне даже стало немного стыдно за всю ту иронию, которую я растратила по дороге сюда. Я вышла из сарая на двор, вдохнула свежий, чуть морозный воздух, который тут же забил лёгкие после тёплого, спёртого сена, и улыбнулась — тихо, про себя, потому что нечего было показывать этому нахалу, что я, оказывается, умею радоваться чужому счастью.

— Матушка ведьма! — донеслось из сарая. — А можно я вас ещё раз побеспокою? Ну, если Глашка второй раз не разродится? Или если у неё молоко пропадёт? Или если…

— Сидор! — рявкнула я, оборачиваясь. — Если ты меня ещё раз побеспокоишь по пустякам, я тебя превращу в дятла. Будешь целыми днями долбить деревья и питаться личинками. И это, между прочим, не проклятие, а повышение — хоть какая-то польза от тебя лесу будет.

Из сарая послышалось что-то невнятное, но я уже не слушала. Я щёлкнула пальцами, и лес принял меня обратно — в золото, в багрянец, в тишину, в тот самый мир, где мне никто не докучал коровами и кузнецами. Правда, на этот раз я захватила с собой запах сена и молока, и он ещё долго витал вокруг меня, пока я шла по знакомой тропинке, и, честно говоря, он был не таким уж и плохим дополнением к осеннему воздуху. Но Сидору я этого, конечно, никогда не скажу.

Глава 2

Меня звали Лентова Алёна Игоревна, менеджер среднего звена тридцати пяти лет от роду, с ипотекой, кофеиновой зависимостью и начальником, который искренне верил, что дедлайны придумали специально для того, чтобы портить людям жизнь. А ещё — полуночная ведьма, одна из длинной династии ведьм, тянувшейся сквозь века, миры и, честно говоря, сквозь здравый смысл. Мы, полуночные ведьмы, обитали в разных мирах, выходили замуж за мужчин разных рас и всегда старались поддерживать связь друг с другом, потому что родственницы всё же, а родственные узы — это единственное, что по-настоящему не поддаётся никакой магии, ни тёмной, ни светлой, ни бухгалтерской. Сильные и умные, мы назывались полуночными, потому что наша сила возрастала к ночи — именно тогда, когда нормальные люди ложились спать, мы становились способны чуть ли не свернуть горы, хотя, положа руку на сердце, горы нам были без надобности, а вот свернуть шею какому-нибудь наглецу — это всегда пожалуйста.

Моя близкая родня жила на Земле и здесь, в этом магическом мире, который назывался Дарлион, и я, признаться, до сих пор не решила, какой из двух миров считать домом. Родители, ведьма и маг, вели бизнес на Земле — мама управляла сетью цветочных магазинов, которые на самом деле были прикрытием для торговли редкими зельями, а папа, маг-артефактор, чинил бытовую технику и попутно заряжал её так, что стиральные машины у его клиентов иногда разговаривали, а микроволновки предсказывали погоду. Они жили в обычной квартире с евроремонтом, двумя котами и домработницей, которая давно догадывалась, что в этом доме что-то нечисто, но молчала, потому что платили хорошо и никогда не заставляли мыть полы по ночам, когда мама варила очередное зелье на кухне.

Бабушка с дедом, ведьма и император драконов, предпочли обосноваться в магическом мире, и их поместье в Дарлионе было тем местом, куда я сбегала при первой же возможности — от работы, от города, от себя самой, когда становилось совсем невмоготу. Бабушка, высокая, седая, с глазами цвета грозового неба, до сих пор варила лучшие зелья в трёх мирах и учила меня всему, что знала сама, а дед, император драконов, огромный, седобородый, с руками, способными расколоть скалу, оказался на удивление домашним — он пёк пироги, разводил пчёл и ворчал на бабушку, когда она слишком долго пропадала в своей лаборатории. Их брак считался в нашей семье образцовым, хотя, если честно, я до сих пор не понимала, как ведьма и дракон умудряются жить вместе, не спалив друг друга — в прямом смысле этого слова.

В Дарлионе у меня тоже была своя история — здесь я родилась, здесь прошло моё ведьминское детство, здесь я училась летать на метле (и падала с неё, и ломала руку, и снова летала), здесь я впервые влюбилась в мальчишку-эльфа, который потом женился на какой-то скучной дриаде, и здесь, в конце концов, я нашла свой лес — тот самый, где осень пахла прелой листвой и грибами, где птицы кричали мне свои прощальные песни, и где я, полуночная ведьма, могла просто идти, никуда не спеша, и тихо радоваться жизни. Земля дала мне профессию, ипотеку и умение разговаривать с начальством на языке, которого не понимала ни одна живая душа, а Дарлион дал мне силу, корни и понимание того, кто я есть на самом деле. И, честно говоря, я давно перестала выбирать между ними, потому что обе эти жизни были моими, и я любила их обе — со всеми их недостатками, абсурдами и неожиданными поворотами, которые, впрочем, и делали меня той самой Алёной, менеджером среднего звена и полуночной ведьмой в одном лице, способной и отчёт сдать в срок, и проклясть наглеца, и вытащить телёнка из коровы, если жизнь того потребует.

Дом встретил меня запахом сушёных трав, воска и чего-то съестного, что явно готовилось без моего участия — и это «что-то» пахло подозрительно хорошо, а значит, за плитой стоял либо кот, либо домовой, и оба варианта меня не радовали. Я щёлкнула пальцами, сбрасывая с

себя дорожную пыль и остатки кузнецовой грязи, и шагнула через порог, где снаружи всё ещё оставалась маленькая, покосившаяся избушка на курьих ножках, а внутри начиналось совсем другое пространство — свёрнутое, как лист бумаги, сложенный умелой рукой. Снаружи мой дом был не больше сарая Сидора, с одним окошком, затянутым бычьим пузырём, и трубой, из которой всегда вился дымок, но внутри он разворачивался в анфилады комнат, в высокие потолки, в винтовые лестницы, уходящие куда-то вверх, в библиотеку с тысячами томов, в лабораторию, где на полках дремали банки с чем-то шевелящимся, и в зимний сад, где круглый год цвели растения, которых не существовало ни в одном из известных мне миров.

— Ну наконец-то, — раздался с кресла ленивый, чуть насмешливый голос. — Я уж думал, ты там с этим кузнецом до утра корову доишь. Или он тебя доит, я не разобрал.

Васька сидел на подлокотнике, огромный, чёрный, с белой манишкой и глазами цвета янтаря, и смотрел на меня с таким выражением, будто это он тут был хозяином, а я — приходящей прислугой. Васька появился у меня лет семь назад — просто пришёл, уселся на пороге и заявил, что теперь живёт здесь, и с тех пор ни разу не дал мне повода усомниться в том, что он был прав. Я перепробовала сотни имён — Велизар, Барсик, Персиваль, даже Мурзик, — но он отверг их все с презрением, достойным императорского двора, и остался Васькой, потому что, как он сам выразился, «имя должно быть простым, как правда, и наглым, как я».

— Васька, — вздохнула я, снимая сапоги и ставя их у входа, где тут же материализовалась подставка, услужливо подставленная домом. — Ты не поверишь, но я только что вытащила телёнка из коровы. Своими руками. В прямом смысле.

— Фи, — кот поморщился, как будто я рассказала ему что-то неприличное. — И это называется полуночная ведьма? Ей бы горы сворачивать, миры двигать, а она телят принимает. Ты бы ещё кроликов разводила. Хотя, — он прищурился, — кролики — это вкусно. Ты подумай.

— Я подумаю, — согласилась я, проходя вглубь дома, в гостиную, где в камине весело потрескивали дрова, а на столе уже стоял чайник, заварочный чайник с чем-то травяным и тарелка с пирожками, которые я точно не пекла. — Гришка! — позвала я, повышая голос. — Гришка, выходи, я знаю, что ты там.

Из-за печки, ворча и отряхиваясь от сажи, выбрался домовой — маленький, лохматый, с бородой до колен, в красной рубахе, подпоясанной верёвкой, и с таким лицом, будто его только что оторвали от чрезвычайно важного дела. Гришка жил в этом доме дольше, чем я, — он достался мне в наследство вместе с избушкой, и, честно говоря, иногда я подозревала, что именно он здесь главный, а я так, квартирантка.

— Чего орёшь? — буркнул он, вытирая руки о рубаху. — Я, между прочим, пирожки пёк. С капустой. И с яблоками. А ты пришла, пыль нанесла, обувь грязную поставила. Хоть бы спасибо сказала.

— Спасибо, — покладисто ответила я, садясь за стол и придвигая к себе тарелку. — Только ты опять, небось, тесто на молоке от той коровы, которую мы в прошлом году спасали, замесил? Она же старая была, молоко горькое.

— Не горькое, а с характером, — обиделся Гришка. — И вообще, не тебе жаловаться, ты вон с кузнецом целый день прошаталась, а я тут спину гну, пирожки, понимаешь, стряпаю.

— Я не прошаталась, я телёнка принимала, — возразила я с набитым ртом, потому что пирожки, несмотря на все мои претензии, были божественными. — И, между прочим, спасла репутацию полуночной ведьмы. Ну, почти.

Васька спрыгнул с подлокотника и уселся на стол, прямо передо мной, и уставился на меня так, будто ждал продолжения банкета.

— И как тебе эта осень, госпожа ведьма? — поинтересовался он с той самой интонацией, с которой обычно спрашивал, не пора ли мне замуж. — Всё ещё ходишь по лесу, вздыхаешь,

листья нюхаешь? Или уже начала разговаривать с деревьями? Смотри, а то они начнут отвечать.

— Разговариваю, — не стала я отпираться. — И деревья отвечают. А что, тебе завидно?

— Мне? — кот фыркнул. — Я, между прочим, в этом лесу живу дольше тебя. Я тут всё знаю. Каждая белка мне должна. Каждая сойка — старая знакомая. Я, может, сам наполовину лесной дух, а ты тут со своим менеджерским образованием лезешь в мою епархию.

Гришка, который уже уселся напротив меня, подперев голову рукой, хмыкнул.

— Лесной дух, — проворчал он. — Ты в прошлом месяце застрял в форточке, когда за сметаной лез. Какой из тебя дух, ты ж обычный вор.

— Я не застрял, я задержался, — с достоинством ответил Васька. — И вообще, это была тактическая пауза.

Я откинулась на спинку стула, чувствуя, как напряжение дня — коровы, кузнецы, начальники, дедлайны — медленно стекает с меня, как вода. Дом, свёрнутый в маленькую избушку снаружи и разворачивающийся в целый дворец внутри, жил своей жизнью: где-то наверху тихонько шелестели страницы книг в библиотеке, в лаборатории что-то булькало, зимний сад дышал теплом и цветением, а в гостиной пахло пирожками, чаем и домом. Здесь, в этом пространстве, где время текло иначе, а пространство подчинялось моей воле, я могла быть просто Алёной — уставшей, немного ворчливой, но по-настоящему счастливой. И, глядя на наглого кота, который уже тащил с тарелки второй пирожок, и на ворчащего домового, который делал вид, что не замечает этого нахальства, я поняла, что именно это и есть настоящая магия — не свернуть горы, не проклясть врага, а вот так, вечером, сидеть за столом в своём собственном, пусть и свёрнутом, мире и знать, что тебя здесь ждут.

Глава 3

Ближе к ночи, когда Васька уже дрых на подоконнике, свернувшись в пушистый чёрный шар, а Гришка ушёл в свою нору за печкой досматривать какие-то свои домовые сны, я тихо поднялась со стула и направилась в лабораторию. Ночь — моё время, и не только потому, что я полуночная ведьма, но и потому, что днём мне вечно кто-то мешает: то кузнецы с коровами, то начальники с отчётами, то кот с претензиями на мировое господство. А ночью дом затихал, пространство разворачивалось мягко и послушно, и лаборатория открывалась передо мной, как книга, которую можно читать сколько хочешь, не опасаясь, что кто-то заглянет через плечо.

Я вошла и зажгла свечи — обычные, восковые, пахнущие мёдом, потому что магический огонь в лаборатории я не любила: он давал слишком ровный свет, а мне нравилось, когда тени пляшут по стенам, как живые. Стол был завален кучей самых разных вещей: пучки сушёных трав, баночки с порошками, ступка с пестиком, чей-то зуб (не помню чей, но точно не мой), перо какой-то экзотической птицы и вчерашняя чашка чая, которую я забыла вынести. Лаборатория, в отличие от остального дома, никогда не убирала сама — она считала, что творческий беспорядок есть неотъемлемая часть колдовского процесса, и я была с ней полностью согласна.

Я надела фартук — тёмно-синий, с вышитыми по краю рунами защиты от брызг, — закатала рукава и с удовольствием потянулась, чувствуя, как сила начинает просыпаться во мне вместе с ночью. Ведьминский котёл, большой, чугунный, на трёх ногах, стоял в центре комнаты и ждал меня, как старый друг. Я щёлкнула пальцами, и под ним вспыхнуло синее пламя — не жаркое, а какое-то ласковое, которое грело, но не жгло. Вода в котле забулькала почти сразу, и я насыпала туда горсть соли — крупной, серой, собранной на берегу моря, которого нет ни в одном из моих миров, но которое существует где-то в глубине моей памяти.

— Ну что, начнём, — пробормотала я, потирая руки. — Зелье от бессонницы. Для мамы. Потому что она в прошлый раз жаловалась, что не спит из-за отчётов, а я, как хорошая дочь, должна что-то с этим сделать. Или хотя бы сделать вид.

Я взяла пучок лаванды, повертела его в руках, вдыхая знакомый, успокаивающий запах, и бросила в котёл. Вода мгновенно окрасилась в нежно-сиреневый цвет, и по лаборатории поплыл аромат, от которого даже свечи, кажется, начали клевать носом. Следом отправились цветы ромашки — сухие, жёлтые, похожие на маленькие солнышки, которые кто-то предусмотрительно погасил, — и щепотка валерианы, от которой я всегда чихала, но которая была абсолютно необходима. Я чихнула. Дважды. Громко. Где-то за стеной Васька недовольно мяукнул, но не проснулся — он умел игнорировать мои колдовские эксцессы с истинно кошачьим достоинством.

— Теперь самое интересное, — сказала я вслух, потому что в лаборатории я всегда разговаривала сама с собой, и это было совершенно нормально, между прочим, потому что в ведьминском ремесле без комментариев не обойтись. — Лунный свет. Собранный в полнолуние. В стеклянной бутылочке. Которую я, кажется, поставила… куда?

Я обшарила три полки, заглянула под стол, нашла там старую тапку Гришки, чей-то позвоночник (не мой), банку с чем-то светящимся, но не тем, что нужно, и в конце концов обнаружила бутылочку с лунным светом в кармане фартука. Ну, конечно. Где же ей ещё быть. Я откупорила её и вылила содержимое в котёл — жидкость стала серебристой, замерцала, и по поверхности пошли круги, как от брошенного камня.

— Так, теперь помешать, — продолжила я, вооружаясь длинной деревянной ложкой, которую я вырезала сама из ветки старого дуба. — По часовой стрелке. Три раза. Против часовой. Семь раз. И не перепутать, потому что если перепутать, то вместо зелья от бессонницы получится зелье от памяти, а маме это, честно говоря, ни к чему. Она и так иногда забывает, где оставила машину, а если она ещё и забудет, где живёт, то я не переживу.

Я мешала сосредоточенно, высунув язык от усердия, как школьница на контрольной, и считала вслух: раз, два, три… семь. Готово. Жидкость в котле успокоилась, стала прозрачной, с лёгким сиреневым отливом, и запахло от неё так, будто кто-то открыл окно в тихую летнюю ночь и впустил в комнату звёзды. Я удовлетворённо кивнула, сняла котёл с огня — точнее, погасила огонь щелчком, потому что котёл тяжёлый, а я устала, — и принялась разливать зелье по маленьким флакончикам. Один — маме. Один — себе, на всякий случай. Один — бабушке, потому что она тоже иногда не спит, но по другой причине: она по ночам читает детективы и говорит, что это не бессонница, а расследование.

Один флакончик я оставила на столе, не подписав. Для кого — сама пока не знала. Может, для Сидора, если он снова придёт с коровой. Может, для начальника, если он снова придёт с дедлайном. А может, для того эльфа из детства, который женился на скучной дриаде, — просто чтобы он знал, что я не держу зла. Ну, почти не держу.

Я потушила свечи — не все, одну оставила, чтобы не спотыкаться, — и вышла из лаборатории, прикрыв за собой дверь. Дом встретил меня тишиной, тёплым запахом пирожков и лёгким храпом Васьки, который во сне дёргал лапой, явно гоняясь за чем-то очень вкусным. Я улыбнулась, поправила плед на кресле, заглянула в зимний сад — просто чтобы убедиться, что там всё цветёт, — и поднялась в свою спальню, где меня ждала кровать с высоким балдахином и окно, за которым осень шелестела листьями и, кажется, тоже готовилась ко сну.

Засыпая, я подумала, что завтра будет новый день — с новыми кузнецами, новыми коровами, новыми отчётами и новыми пирожками, — и что я, полуночная ведьма, менеджер среднего звена и просто Алёна, буду к нему готова. Потому что ночь дала мне силу, дом дал мне покой, а Васька, если что, даст мне лапой по лицу, если я просплю. И это, честно говоря, было лучшее, на что можно было рассчитывать.

Глава 4

Утро пришло в мой дом не с первыми лучами солнца, не с пением птиц, не с ароматом свежего хлеба, который Гришка иногда пёк по утрам, — нет, оно ворвалось в мою спальню с таким оглушительным, пронзительным, наглым криком, что я подскочила на кровати, запуталась в одеяле и едва не свалилась на пол, где меня, без сомнения, ждал бы холодный пол и полное моральное уничтожение. За окном орали. Орали громко, слаженно, с каким-то даже вдохновением, словно это был не двор перед моей избушкой, а оперная сцена, а я — единственный зритель, который не купил билет и не желал присутствовать на этом представлении.

Я открыла глаза. В окно бил серый, невнятный свет — тот самый свет, который бывает только в октябре, когда солнце ещё не встало, но уже и не спит, а где-то там, за горизонтом, лениво потягивается и решает, стоит ли вообще сегодня выходить на работу. Земные электронные часы на прикроватной тумбочке показывали шесть утра. Шесть. Утра. Я, полуночная ведьма, чья сила возрастала к ночи, чья жизнь по определению начиналась ближе к вечеру, а заканчивалась глубоко после полуночи, я должна была вставать в шесть утра, потому что кто-то там, снаружи, решил, что мир должен узнать о его проблемах именно сейчас. Я натянула одеяло на голову, надеясь, что крики исчезнут сами собой, как исчезают иногда плохие сны, если зажмуриться посильнее. Они не исчезли. Они стали громче.

— Матушка ведьма-а-а! — доносилось снаружи. — Матушка ведьма, беда-а-а!

— Не беда, а катастрофа! — перебивал второй голос, более визгливый. — Катастрофа вселенского масштаба!

— Да какая ж это катастрофа, это конец света!

— Сам ты конец света, у меня огород затопило!

— А у меня куры перестали нестись!

— А у меня корова мычит не по-нашему!

Я села на кровати, и, честно говоря, в этот момент я была готова убивать. Не проклинать, не пугать, не превращать в дятлов — убивать, быстро и без свидетелей. Я, Алёна Лентова, менеджер среднего звена и полуночная ведьма, тридцать пять лет, ипотека, кофеиновая зависимость, и вот теперь ещё и деревенский хор имени шести утра. Я спустила ноги с кровати, нащупала тапки, накинула первый попавшийся халат — он оказался бабушкиным, с вышитыми драконами, но мне было плевать, — и подошла к окну, чувствуя, как во мне поднимается та самая сила, которая ночью сворачивает горы, а утром требует как минимум чашку чая и тишину.

За окном стояла небольшая, но очень воодушевлённая толпа. Сидор, кузнец, тот самый, с коровой, стоял впереди, размахивая руками. Рядом с ним топталась дородная женщина, которую я знала как тётку Марфу, торговку с рынка, — та самая, что продавала мне мёд по цене крылатого единорога. За ней — ещё трое или четверо мужиков, чьих имён я спросонья не вспомнила и вспоминать не собиралась. Все они смотрели на моё окно с таким выражением, будто я была не ведьмой, а пожарной командой, скорой помощью и спасателем на водах одновременно.

— Матушка ведьма! — заорал Сидор, увидев меня в окне. — Открывай! У нас беда!

Я открыла окно — резко, так, что створки едва не оторвались от петель. Утренний холодный воздух ворвался в спальню, взметнул занавески и, кажется, заставил свечу на тумбочке зашипеть от возмущения.

— Вы, — произнесла я медленно, с расстановкой, вкладывая в это короткое слово всю свою ненависть к раннему утру, — вы понимаете, что сейчас шесть утра? Что я спала? Что если вы не замолчите в течение следующих трёх секунд, я превращу вас всех в жаб, а потом продам на рынке тётке Марфе, чтобы она сварила из вас суп?

Тётка Марфа открыла рот, чтобы что-то сказать, но Сидор её опередил.

— Матушка, так беда же! Огород у Марфы затопило, куры у Петра не несутся, а у меня корова мычит не по-нашему! Это всё нечистая сила! Надо срочно…

Я не дослушала. Что-то внутри меня — то самое, что ночью варит зелья и сворачивает горы, а утром не выносит идиотов, — щёлкнуло, как замок, и я, не задумываясь, подняла руку. В ладони вспыхнул магический шар — синий, с искрами, тёплый и тяжёлый, как гнев, — и я, с чувством, с наслаждением, со всей той злостью, что накопилась за эту бесконечную ночь и это невыносимое утро, швырнула его в толпу. Шар полетел, оставляя за собой светящийся след, ударился о землю прямо перед Сидором — и взорвался. Не сильно, не смертельно, но достаточно, чтобы поднять облако пыли, листьев и мелких щепок, чтобы все зажмурились, пригнулись и на секунду замолчали.

Тишина. Наконец-то. Я стояла в окне, скрестив руки на груди, и смотрела на них сверху вниз, как императрица на провинившихся придворных. Сидор медленно выпрямился, отряхнул с плеча листья и посмотрел на меня с таким ужасом, будто я только что превратила его любимую наковальню в жабу. Тётка Марфа прижала руки к груди и, кажется, начала молиться — хотя, насколько я знала, она была не из верующих, а из тех, кто верит только в выгоду.

— Ну? — спросила я. — Ещё есть что сказать?

Секунду все молчали. Потом Сидор открыл рот. Потом тётка Марфа открыла рот. Потом один из мужиков, чьего имени я так и не вспомнила, открыл рот — и крики возобновились, ещё громче, ещё отчаяннее, ещё более вселенские.

— Матушка ведьма! Нечистая сила! Огород! Куры! Корова! Помоги-и-и!

Я закрыла глаза. Медленно, глубоко вздохнула. И поняла, что сегодня, видимо, придётся всё-таки вставать. Потому что полуночная ведьма — это не только про горы, которые можно свернуть ночью, но и про коров, которые мычат не по-нашему, и про огороды, которые затопило, и про кур, которые не несутся, — и всё это, к сожалению, происходило не в полночь, а в шесть утра, когда я была злая, сонная и абсолютно не готовая быть доброй феей-спасительницей. Я отвернулась от окна, накинула халат поплотнее — драконы на нём смотрели на меня с укором, — и пошла вниз, к Гришке, к Ваське, к чайнику и к своей несчастной, но всё-таки любимой жизни, в которой даже утро начиналось с криков, взрывов и магических шаров.

Глава 5

Поесть мне не дали. Я успела только дойти до кухни, где Гришка уже хлопотал у печи, ворча что-то про «ведьм, которые шляются по утрам неизвестно где», и где на столе дымилась тарелка каши с тыквой — моей любимой, между прочим, — как крики с улицы возобновились с новой силой. Я замерла с ложкой в руке, глядя на эту тарелку так, будто прощалась с ней навсегда. Каша парила, тыква золотилась, масло таяло янтарной лужицей — и всё это великолепие медленно остывало под аккомпанемент деревенского хора, который, судя по всему, решил, что моё терпение — это бесконечный ресурс, как воздух или глупость Сидора.

— Матушка ведьма! — доносилось с улицы. — Ты чего швыряешься? Мы же по делу! Огород! Куры! Корова!

— Да чтоб вас всех… — начала я, но договорить не успела, потому что Гришка, выглянувший из-за печки, посмотрел на меня с таким укором, будто это я была виновата в том, что какие-то идиоты не дают мне позавтракать.

— Иди уже, — проворчал он, снимая тарелку со стола и накрывая её полотенцем. — Всё равно не поешь, пока эти не замолчат. А я подогрею, когда вернёшься. Если вернёшься.

Я посмотрела на него. Потом на кашу. Потом на Ваську, который сидел на подоконнике и с интересом наблюдал за моими метаниями, явно делая ставки — то ли я пойду и всех убью, то ли лягу обратно спать и пропущу всё самое интересное.

— Ладно, — сказала я тихо, и это «ладно» прозвучало так, что даже Васька, кажется, передумал делать ставки. — Ладно. Сейчас я с ними поговорю.

Я вышла на порог в чём была. А была я, надо сказать, в ночной рубашке, поверх которой был накинут бабушкин халат с драконами, в тапках, с растрёпанными волосами и с таким выражением лица, которое в приличных мирах называлось бы «предсмертным», а в моём случае означало «я сейчас буду колдовать, и лучше бы вам всем стоять очень тихо». За моей спиной из избушки доносился запах каши, тёплый и дразнящий, и этот запах был последней каплей. Я подняла руку. Не для того, чтобы швырнуть шар — шары кончились, а новые было лень создавать, — а для того, чтобы сделать то, что ведьмы умеют лучше всего: просто, без затей, без эффектов, без всяких там искр и взрывов, — я щёлкнула пальцами и произнесла одно короткое, злое, очень старое слово.

Тишина. Настоящая, полная, звенящая тишина. Тётка Марфа открыла рот — и не издала ни звука. Сидор попытался что-то сказать — и только беззвучно шевелил губами, как рыба, вытащенная на берег. Мужики, чьих имён я так и не вспомнила, хватались за горло, за голову, за своих соседей, но всё это происходило в абсолютном, идеальном молчании. Только ветер шелестел листьями, только где-то вдалеке каркнула ворона, только Васька, высунувший морду из-за моей ноги, издал короткое, одобрительное «м-р-р», которое в этой тишине прозвучало как аплодисменты.

Я посмотрела на них. Они на меня. В их глазах был ужас, смешанный с чем-то похожим на облегчение, потому что немота — это всё-таки лучше, чем превращение в жабу. Я вздохнула, поправила халат, и щёлкнула пальцами во второй раз. Народ исчез. Просто растворился в воздухе, как утренний туман, как дым от костра, как моё желание завтракать в тишине, — и через мгновение каждый из них оказался у себя дома: Сидор — в своей кузнице, где его ждала напуганная Глашка с телёнком, тётка Марфа — на своём затопленном огороде, где вода, кстати, уже начала куда-то уходить, потому что магия — это не только проклятия, но и мелкие бытовые чудеса, мужики — кто в сарае, кто в бане, кто в поле, где они, надо надеяться, немедленно принялись за работу вместо того, чтобы орать под моими окнами в шесть утра.

Я вернулась в дом. Гришка встретил меня у порога, держа в руках тарелку с кашей — уже подогретой, уже пахнущей так, что я почти простила этот мир и всех, кто в нём живёт. Васька

прошёл следом, запрыгнул на стул и уставился на меня с выражением, которое можно было расшифровать примерно так: «Ну что, полегчало?». Я села за стол. Взяла ложку. И, наконец, поела.

— Ты им хоть объяснила, что к чему? — поинтересовался Гришка, усаживаясь напротив с чашкой чая. — Или просто заткнула рты и разогнал?

— Просто заткнула рты и разогнал, — ответила я с набитым ртом. — А что, надо было объяснить?

Домовой хмыкнул.

— Ну, они ж не поймут. Завтра опять придут.

— Значит, опять заткну рты, — пожала я плечами. — Или в этот раз превращу в жаб. Посмотрим по настроению.

Васька мурлыкнул что-то одобрительное. Каша была тёплой, тыква — сладкой, а утро, несмотря ни на что, всё-таки наступило. И, честно говоря, после того как я всех разогнала, оно даже начало мне нравиться.

Глава 6

После еды я почувствовала себя человеком. Ну, почти — насколько ведьма вообще может чувствовать себя человеком после того, как заткнула рты полдеревни и разогнала их по домам одним щелчком пальцев. Каша с тыквой сделала своё дело: мир перестал казаться серым, драконы на бабушкином халате перестали смотреть на меня с укором, а Васька, который к тому моменту уже успел стащить со стола кусок масла, получил от Гришки полотенцем по наглой чёрной морде и удалился на подоконник зализывать раненое достоинство. Я допила чай — травяной, с мятой и капелькой мёда от той самой тётки Марфы, которая, несмотря на все свои недостатки, мёд всё-таки делала божественный, — и поднялась из-за стола.

— Ты куда? — спросил Гришка, не оборачиваясь от печки, где он уже возился с чем-то новым. — Опять по лесу шататься?

— К корове, — ответила я, потягиваясь. — К той самой, которую я вчера лечила, ну, роды принимала. Сидор сказал, она мычит не по-нашему. А я, между прочим, вчера вложила в неё столько силы, что она теперь должна мычать не по-нашему, а по-моему. Если она мычит по-своему, значит, что-то пошло не так, и я это исправлю. А потом, — я мечтательно улыбнулась, — вернусь и, может быть, даже никого не убью.

— Оптимистка, — проворчал домовой.

Васька с подоконника издал звук, который можно было перевести примерно как «ну-ну, посмотрим». Я проигнорировала обоих, подошла к стене гостиной, где между двумя книжными полками висело старое зеркало в бронзовой раме — оно было не для красоты, а для дела, — и приложила к нему ладонь. Зеркало дрогнуло, пошло рябью, как вода от брошенного камня, и через мгновение превратилось в портал: тёмный, чуть мерцающий, с искрами по краям. Я шагнула в него — и вышла прямо посреди двора Сидора, где меня немедленно встретил запах навоза, свежего сена и паники. Кузнец, который, судя по всему, только что вернулся домой после своего героического похода ко мне — и, судя по его лицу, всё ещё не отошёл от онемения, — сидел на крыльце, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону.

— Матушка ведьма! — воскликнул он, вскакивая. Голос у него вернулся, но был хриплым, как у человека, который только что кричал шесть часов подряд. — Ты пришла! Я знал! Я верил!

— Не верил, а боялся, — поправила я его. — Где Глашка?

— В сарае! Мычит! Всё утро мычит! Не по-нашему! Я не понимаю, что она хочет! Может, это проклятие? Может, это ты её прокляла? Я же знал, что нельзя к ведьме с коровой…

— Сидор, — перебила я его ледяным тоном, — если ты скажешь ещё одну глупость, я тебя самого превращу в корову. И будешь ты мычать не по-своему, а так, как я захочу. Понял?

Сидор понял. Сидор всегда понимал быстро, когда дело касалось его собственной шкуры. Он молча проводил меня до сарая, открыл ворота и отошёл в сторону, явно не желая находиться внутри, когда я буду «работать». Я вошла. Глашка лежала на сене — та самая рыжепятнистая корова с белой мордой, которой я вчера помогла разродиться. Рядом с ней, пошатываясь на тонких ножках, стоял телёнок — тот самый бычок с белой звёздочкой на лбу, который, судя по его довольной морде, чувствовал себя прекрасно. А вот его мать — нет. Она посмотрела на меня своими огромными, влажными глазами, и из её горла вырвался звук. Странный звук. Не мычание. Не рев. Что-то среднее между «му», «ме» и… «помоги».

Я присела рядом, положила руку на её горячий бок и закрыла глаза. Сначала ничего. Потом я почувствовала: в корове остался след моего вчерашнего колдовства. Ну конечно. Я вложила в неё столько силы, что она не просто вылечилась — она стала немного… магической. А магия, если её не направить, начинает искать выход сама, и находит его в самых неожиданных местах — в голосе, в молоке, в мычании. Глашка не была проклята. Глашка была переполнена

магией. И сейчас эта магия пыталась выйти наружу через её голос, а поскольку корова — не ведьма, она не знала, как это сделать правильно.

— Всё ясно, — сказала я вслух, открывая глаза. — Сидор! Иди сюда!

Кузнец заглянул в сарай — осторожно, как человек, который ожидает, что его сейчас или проклянут, или съедят.

— Слушай внимательно, — начала я, поднимаясь и отряхивая руки о сено. — Твоя корова не проклята. Она переполнена магией. Я вчера вложила в неё слишком много силы, и теперь эта сила ищет выход. Твоя Глашка, Сидор, — я сделала паузу, — стала немного волшебной коровой.

Сидор открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Волшебной? — переспросил он сдавленным голосом.

— Волшебной, — подтвердила я. — Её молоко теперь будет целебным. Мычать она будет иногда не по-нашему — это нормально, это она так с магией разговаривает. Телёнок её тоже, скорее всего, вырастет необычным. Но, — я подняла палец, — если ты будешь за ней хорошо ухаживать, кормить, поить, не обижать, то она проживёт долгую, счастливую жизнь и ещё прославит тебя на всю округу. Люди будут приезжать к тебе за молоком. Ты станешь самым известным кузнецом-молочником. А если ты её обидишь, — я улыбнулась, и улыбка у меня вышла нехорошая, — то она тебя забодает. Магически. И я ей в этом помогу.

Сидор смотрел на меня, на Глашку, на телёнка — и в его глазах медленно, но верно просыпалось что-то новое. Не страх. Не паника. Что-то, что было похоже на… восторг? Жадность? Гордость? Наверное, всё вместе.

— Волшебная корова, — прошептал он, и в его голосе было столько благоговения, что мне даже стало немного смешно. — Моя Глашка — волшебная корова.

— Угу, — кивнула я. — И, Сидор, с тебя молоко. Каждый день. В течение месяца. За мой вчерашний визит и за сегодняшний. Понял?

— Понял! — заорал он так, что Глашка вздрогнула, а телёнок шарахнулся в сторону. — Понял, матушка ведьма! Всё будет! Молоко! Сметана! Творог! Всё, что скажешь!

— Вот и хорошо, — сказала я, разворачиваясь к выходу. — И ещё одно, Сидор. Если ты ещё хоть раз придёшь ко мне с криками в шесть утра, я превращу тебя не в дятла, а в дождевого червя. Будешь жить в земле, питаться грязью и бояться птиц. Ясно?

— Ясно, матушка! — гаркнул он, и я, не оборачиваясь, вышла со двора.

Портал я открыла прямо там, за сараем, — не хотелось снова идти через дом, где меня ждал Гришка с новыми нравоучениями, а Васька с новыми претензиями. Зеркало дрогнуло, пошло рябью, и я шагнула в тёмное мерцающее ничто — но вместо того, чтобы выйти в своей гостиной, где меня ждали Гришка с его ворчанием и Васька с его наглой мордой, я вышла на другом конце деревни, у покосившегося забора тётки Марфы. Я и сама не сразу поняла, почему выбрала именно этот путь. Может, потому что у Марфы был затоплен огород, и я, несмотря на всё своё утреннее раздражение, всё-таки чувствовала укол совести: я заткнула ей рот, отправила ее домой, не разобравшись, а Марфа, при всех её недостатках, была не худшей из местных. А может, потому что мне просто было любопытно, как она справляется. Или потому что я знала: если не приду сейчас, завтра она снова явится ко мне под окна с криками, а мне этого не хотелось. В общем, я вышла из портала прямо перед её калиткой и остановилась, оглядываясь.

Двор Марфы выглядел так, будто по нему прошёл небольшой, но очень целеустремлённый ураган. Огород, который она мне так отчаянно описывала, действительно был затоплен — вода стояла между грядками, отражая серое октябрьское небо, и в ней плавали листья, какие-то щепки и одна несчастная тыква, которая, судя по всему, решила, что пришло её время стать лодкой. Сама Марфа стояла посреди этого безобразия, в резиновых сапогах, с лопатой в руках, и пыталась прокопать канавку, чтобы вода ушла. Получалось у неё плохо. Вода, каза-

лось, только радовалась её усилиям и прибывала с удвоенной силой — если, конечно, вода вообще способна радоваться.

Я постояла немного, наблюдая за этой картиной, и, честно говоря, в глубине души что-то шевельнулось. Не жалость — нет, жалость я не люблю. Что-то вроде солидарности. Все мы, женщины, так или иначе, сражаемся с обстоятельствами: я — с коровами и кузнецами, Марфа — с водой и тыквами. И проигрываем одинаково.

— Марфа, — позвала я, не повышая голоса.

Она обернулась. Увидела меня — и на её лице отразилась сложная гамма чувств: страх, потому что я ведьма и только что заткнула ей рот; обида, потому что я ведьма и только что заткнула ей рот; и, что самое интересное, надежда. Потому что я ведьма. И, возможно, только что пришла помочь.

— Матушка ведьма, — сказала она, вытирая мокрые руки о передник. — Ты… ты пришла?

— Пришла, — подтвердила я, заходя во двор. Вода немедленно попыталась залить мои сапоги, но я щёлкнула пальцами, и она отступила, образовав вокруг меня сухой круг, как будто я была островом. — Рассказывай. Что случилось?

Марфа вздохнула так тяжело, что даже тыква, кажется, посочувствовала.

— Не знаю, матушка. Вчера вечером всё было хорошо. Грядки как грядки, капуста, морковка, свёкла. А утром проснулась — и вот. Вода. Откуда — не пойму. Колодец не переполнен, река далеко, дождей не было. Я уж думала, это нечистая сила.

Я присела на корточки, положила руку на мокрую землю и прикрыла глаза. Магия в земле была — но не злая. Скорее, растерянная. Как будто что-то большое и древнее проснулось под огородом, потянулось, зевнуло — и случайно выплеснуло воду наружу. Я открыла глаза и посмотрела на Марфу.

— Это не нечистая сила, — сказала я. — Это родник. Под твоим огородом проснулся подземный родник. Старый, очень старый. Он дремал там, может, сотни лет, а сейчас проснулся. Такое бывает осенью, когда земля готовится к зиме. Ты тут ни при чём. И я ни при чём. Просто… природа.

Марфа смотрела на меня, и в её глазах медленно, но верно просыпалось что-то новое — то же самое, что я видела у Сидора. Надежда, смешанная с жадностью.

— Родник? — переспросила она. — Под моим огородом? Настоящий?

— Настоящий, — подтвердила я. — И, если ты не будешь его обижать, он будет поить тебя водой такой чистой, что за ней будут приезжать из соседних деревень. Твоя капуста вырастет размером с колесо от телеги. Морковка будет сладкой, как мёд. А свёкла… — я задумалась, — свёкла будет такая, что её можно будет использовать вместо наковальни.

Марфа открыла рот. Закрыла. Потом, к моему изумлению, всхлипнула и полезла обниматься. Я едва успела щёлкнуть пальцами, чтобы вода под ней не превратилась в лужу, иначе мы обе оказались бы по колено в грязи.

— Матушка ведьма, — бормотала она мне в плечо, — прости меня, дуру старую! Я же на тебя кричала! Я же тебя беспокоила! А ты… ты…

— Да, да, — сказала я, осторожно высвобождаясь. — Я великая, я могучая, я добрая, когда высплюсь. Но, Марфа, есть одно условие.

— Какое? — она мгновенно напряглась.

— Ты мне будешь поставлять мёд. Тот самый, который ты продаёшь по цене крылатого единорога. Бесплатно. Каждый месяц. В течение года.

Марфа задумалась. Я видела, как в её голове идёт борьба между жадностью и благодарностью. Жадность, надо отдать ей должное, сопротивлялась долго. Но благодарность, подкреплённая перспективой волшебного родника и свёклы-наковальни, победила.

— Договорились, — сказала она, протягивая мне руку.

Я пожала её — крепко, по-ведьмински, — и щёлкнула пальцами. Вода в огороде дрогнула, отступила, собралась в аккуратную канавку и потекла в сторону, оставляя за собой влажную, но уже не затопленную землю. Грядки, которые ещё минуту назад плавали, как утки в пруду, снова стали грядками. Тыква, та самая, что воображала себя лодкой, грузно опустилась на землю и, кажется, облегчённо вздохнула.

— Всё, — сказала я, отряхивая руки. — Родник я перенаправила. Теперь он будет выходить не в огороде, а за двором, в низинке. Там можешь сделать колодец или пруд. Вода будет всегда. Но, Марфа, — я посмотрела на неё серьёзно, — если я узнаю, что ты берёшь с людей слишком много за эту воду, я вернусь. И тогда мычать не по-нашему будешь ты. Поняла?

Марфа поняла. Марфа всегда понимала быстро, когда дело касалось её собственной шкуры. Она закивала так энергично, что платок съехал набок, и принялась благодарить меня — тихо, сбивчиво, искренне. Я слушала её вполуха, поглядывая на небо, которое начинало светлеть, — день всё-таки вступал в свои права, несмотря на все мои утренние протесты. Пора было домой.

— Ладно, — сказала я, разворачиваясь к калитке. — Мёд — с тебя. И, Марфа, — я обернулась в последний раз, — если завтра утром ко мне под окна придёт хоть один человек, я буду знать, что это ты его послала. И тогда, — я улыбнулась, — родник я заберу обратно.

Я шагнула за калитку и открыла портал. Зеркало послушно дрогнуло, и я вошла в тёмное мерцающее ничто, чувствуя, как магия мягко несёт меня домой — через всю деревню, которая осталась позади, к моей избушке на краю леса. Когда я вышла в своей гостиной — где всё ещё пахло кашей, где Гришка спал за печкой, а Васька дрых на подоконнике, — я поняла, что день, несмотря на своё ужасное начало, всё-таки удался. Корова была в порядке. Сидор получил урок. Марфа получила родник. А я — я получила месяц сметаны, год мёда и, что гораздо важнее, тишину. По крайней мере, до следующего утра.

Глава 7

Днём я всё-таки добралась до кровати — и, надо сказать, это было лучшее решение за весь день. Я скинула бабушкин халат с драконами, залезла под тёплое одеяло, набитое сушёными травами, и провалилась в сон так быстро, что даже Васька, который уже приготовился занять моё место, не успел запрыгнуть на подушку. Он остался сидеть на краю кровати с выражением глубокой обиды на морде, но мне было не до него. Я спала. Спала так, как умеют спать только ведьмы после бессонной ночи и злого утра — без снов, без сновидений, без всяких там вещих знаков и предчувствий. Просто провалилась в тёплую, мягкую темноту, и мир на пару часов перестал существовать. Гришка, надо отдать ему должное, вёл себя тихо: он закрыл ставни, чтобы солнце не светило в окно, подкинул дров в печь, чтобы дом не остыл, и даже прикрикнул на Ваську, когда тот попытался замяукать что-то про обед. Домовой у меня, при всех его недостатках, умел быть полезным, когда хотел

Проснулась я ближе к вечеру. За окном уже стемнело — не по-настоящему, а как-то мягко, по-осеннему, когда небо становится серо-синим, а воздух наполняется влагой и предчувствием дождя. Я потянулась, села на кровати и прислушалась. Тишина. Настоящая, полная, благословенная тишина, в которой не было ни криков под окнами, ни мычания волшебных коров, ни требовательного мяуканья. Только где-то внизу, за печкой, посапывал Гришка, а на подоконнике, свернувшись в пушистый шар, спал Васька. За окном начал накрапывать дождь — сначала робко, неуверенно, как будто спрашивал разрешения, потом всё смелее, всё настойчивее, пока не превратился в ровный, спокойный, осенний дождь, который стучал по крыше, по стеклу, по листьям за окном, и от этого стука в доме становилось ещё уютнее. Я улыбнулась. Вот теперь можно было и поработать.

Я спустилась вниз, стараясь не шуметь, — хотя кого я обманывала, Гришка всё равно проснулся бы от скрипа половиц, а Васька вообще спал чутко, как все коты, которые считают себя хозяевами дома, — и направилась прямиком в лабораторию. Дом, почувствовав моё пробуждение, ожил: свечи в коридоре зажглись сами собой, дверь в лабораторию открылась без моего прикосновения, а котёл, стоявший в центре комнаты, тихо звякнул, приветствуя меня. Я вошла, закатала рукава, надела фартук — тот самый, тёмно-синий, с рунами защиты от брызг, — и с удовольствием огляделась. Стол был всё ещё завален вчерашними травами, баночками и чьим-то забытым зубом, но это меня не смущало. Творческий беспорядок — это святое.

За окном дождь усилился. Он стучал по стеклу ровным, убаюкивающим ритмом, и этот звук был лучшей музыкой для ведьминской работы. Я щёлкнула пальцами, и под котлом вспыхнуло синее пламя — мягкое, тёплое, послушное. Вода забулькала почти сразу, и я, не теряя времени, принялась за дело. Сегодня у меня был список: зелье от простуды для бабушки — она в последнее время жаловалась на кашель; зелье для роста волос для Марфы — она вчера обмолвилась, что после затопления огорода у неё «волосы лезут от нервов», и я решила сделать доброе дело, раз уж всё равно договорилась с ней о мёде; и, конечно, зелье от бессонницы для себя — потому что если завтра утром снова кто-нибудь заорёт под окнами, мне нужен будет крепкий сон, чтобы не превратить всех в жаб.

Я взяла первый пучок травы — это была мелисса, свежая, пахучая, с маленькими зелёными листочками, которые я собрала ещё в сентябре на опушке леса. Покрошила её в котёл, и вода немедленно окрасилась в нежно-зелёный цвет. Потом добавила несколько ягод шиповника — сухих, сморщенных, похожих на маленькие рубины, — и щепотку имбиря, от которого по лаборатории поплыл тёплый, пряный аромат. Дождь за окном стучал, огонь под котлом тихо потрескивал, и я, помешивая зелье деревянной ложкой, чувствовала, как в меня возвращается спокойствие. Вот за это я и любила ночь. За то, что никто не кричал, никто не требовал, никто не приходил с коровами и огородами. Только я, котёл и дождь.

— Так, — сказала я вслух, потому что в лаборатории я всегда разговаривала сама с собой, и это было совершенно нормально, между прочим. — Теперь против часовой. Семь раз. И не перепутать, потому что если перепутать, получится зелье от роста волос, которое заодно вылечит простуду, но при этом заставит бабушку облысеть. А бабушка этого не переживёт. Она мне этого не простит. Она меня проклянёт. А проклятие полуночной ведьмы, наложенное на другую полуночную ведьму, — это, знаете ли, не шутки. Это конец света. Или, по крайней мере, конец моего спокойствия.

Я мешала зелье сосредоточенно, высунув язык от усердия, как школьница на контрольной, и считала вслух: раз, два, три… семь. Готово. Жидкость в котле стала прозрачной, с лёгким золотистым отливом, и запахла так, что у меня закружилась голова — от простуды, значит, от простуды. Я сняла котёл с огня и разлила зелье по маленьким флакончикам, аккуратно подписав каждый: «Бабуле», «Марфе», «Себе любимой». Последний флакон я поставила на полку, где уже стояли вчерашние зелья, и отошла на шаг, любуясь своей работой. Лаборатория была полна пара, свечей и запахов, за окном дождь играл свою бесконечную осеннюю мелодию, а я, полуночная ведьма, менеджер среднего звена и просто Алёна, стояла посреди всего этого и чувствовала, что счастлива. Тихо, спокойно, по-настоящему счастлива — не потому что свернула гору или прокляла врага, а потому что вечером, под звуки дождя, можно просто варить зелья и знать, что завтра будет новый день.

Я погасила огонь под котлом, задула свечи — все, кроме одной, — и вышла из лаборатории, прикрыв за собой дверь. Дом встретил меня тишиной, тёплым запахом трав и лёгким храпом Васьки, который так и не проснулся. Я поднялась наверх, в свою спальню, где меня ждала кровать с высоким балдахином и окно, за которым дождь шептал что-то на своём, дождевом языке.

Утро пришло в мой дом не с криками деревенских идиотов, не с мычанием волшебной коровы и не с топотом сапог по двору — нет, оно пришло с тем, что я ненавижу больше всего на свете: с перепалкой. Громкой, наглой, бесконечной перепалкой прямо под моими окнами, и, судя по голосам, один из участников был мне хорошо знаком — это был Васька, мой наглый кот, который, судя по интонации, защищал территорию с усердием, достойным императорской гвардии. Второй голос был мужской, незнакомый, низкий и на удивление спокойный, и от этого спокойствия мне почему-то стало ещё хуже. Я открыла глаза. Часы на прикроватной тумбочке показывали семь утра. Семь. Утра. Я, полуночная ведьма, которая легла только в три, потому что варила зелья под дождь, я, которая заснула под утро, обнимая подушку и мечтая о тишине, должна была вставать в семь, потому что какие-то два идиота не поделили мой двор. Я села на кровати, чувствуя, как во мне медленно, но верно поднимается та самая злость, от которой ночью хочется свернуть горы, а утром — убивать. Одеяло сползло на пол, тапки, как назло, куда-то запропастились, и я, босая, растрёпанная, в ночной рубашке, подошла к окну и рванула створки так, что они едва не сорвались с петель.

— Какого чёрта здесь происходит?! — рявкнула я, перегнувшись через подоконник.

Картина, открывшаяся моему взгляду, была достойна кисти какого-нибудь безумного художника. Посреди двора, на дорожке, усыпанной мокрыми от ночного дождя листьями, стоял Васька. Мой Васька. Чёрный, пушистый, с белой манишкой и янтарными глазами, которые сейчас горели таким огнём, что даже мне стало немного не по себе. Он стоял, выгнув спину, распушив хвост до размеров небольшого шлагбаума, и шипел — по-настоящему, яростно, с чувством. А напротив него, в двух шагах, стоял незнакомец. Высокий. Очень высокий. И, к моему величайшему сожалению, очень красивый — того самого типа, от которого у деревенских девок подгибаются колени, а у меня, у ведьмы, начинают чесаться руки, потому что красивым мужчинам я не доверяю по определению. Тёмные волосы, длинные, забранные в хвост на затылке, тёмная кожаная куртка, сапоги, которые явно видели не только грязь, но и приключения, и лицо — такое, будто его вырезал скульптор, у которого был очень хороший день.

Он стоял спокойно, скрестив руки на груди, и смотрел на Ваську с выражением, которое я могу описать только как «снисходительное любопытство». Это было ошибкой. Васька не прощает снисходительности.

— Я тебе сказал, — шипел кот, и в его голосе было столько ярости, что он, кажется, забыл, что он вообще-то кот, а не сторожевой пёс. — Я тебе сказал: не пройдёшь. В дом ведьмы не пройдёшь. Никто не пройдёт. Ни ты, ни твои сапоги, ни твоя куртка. Всё. Разворачивайся и иди отсюда, пока я тебя не поцарапал. А я поцарапаю. Я, между прочим, наполовину лесной дух. Я могу не только поцарапать, я могу проклясть. Я могу сделать так, что ты всю жизнь будешь мяукать по ночам. Ты этого хочешь? Нет? Тогда уходи.

Незнакомец выслушал эту тираду с выражением вежливого интереса, как будто ему читали лекцию по истории Дарлиона, а не угрожали проклятием.

— Я не сомневаюсь в твоих способностях, — ответил он спокойно, и голос у него был низкий, бархатный, из тех голосов, от которых у людей мурашки по спине, а у меня — ещё большее желание убивать. — Но я пришёл к ведьме. К Алене. По делу. И я не уйду, пока не поговорю с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.